

представляется единственной разумной альтернативой болезненному и катастрофическому распаду Ялтинской системы наций, сбитых в блоки.

ВСТРЕЧА В РЕДАКЦИИ

Гасан Гусейнов:

ИДЕОЛОГИЯ ОБЩЕГО ДОМА

Мы все — кто-то в большей степени, кто-то в меньшей — жертвы словесного фетишизма. Но та форма, тот размах словесного фетишизма, с которым сталкиваемся мы, имеет некоторые особенности. Одна из них — антонимичность мышления. Как только называется какое-то понятие, сознание тут же отыскивает антоним, то есть слово с противоположным значением. В условиях господства идеологии этот механизм мышления берется за основу, потому что для любой идеологии полезно и удобно разделить все существующее на две части, на два элемента. Не случайно в нашем сегодняшнем разговоре все время звучало «капитализм-социализм», «пока отбросим 3-й мир».

В действительности, картина сегодняшнего мира сильно отличается и от той трехчленной структуры, к которой мы привыкли. Когда говорят о том, что есть капитализм, социализм и есть третий мир, не учитывают тех изменений, которые происходят на наших глазах на протяжении последних 20 лет. Что именно происходит?

Ео-первых, происходит абсолютное и относительно обнищание все большего числа так называемых развивающихся стран. Идет фашизация развивающихся стран. С другой стороны, обогащение небольшой группы азиатских стран — Ближний Восток и т. д.

И наконец, группа стран третьего мира — возьмем Бразилию в качестве примера: вот страна, тот тип, та модель, с которой нам предстоит конвергенция, если мы хотим избавиться от структурной отсталости.

Нашей стране не предстоит конвергенция с Европой, США или Японией. И в политическом, и в экономическом, и в

социально-бытовом плане нам предстоит конвергенция с такими сравнительно развитыми странами третьего мира, как, например, Индия, Мексика или Брази-

лия. Легко заметить, что общее у этих стран — огромная роль межнациональных конфликтов и способов их решения. Для нас это и есть магистраль, конвергенции, то есть включения в мировую проблематику на равных.

Наше сознание этого ослаблено другим мифологическим противостоянием: «национализм-интернационализм». Первое плохо, второе, разумеется, хорошо. Между тем, из рассмотрения выпадает истинная альтернатива первому и второму, космополитизм. Послевоенная борьба с «космополитами» исключила

из обихода не только это слово, но и целый культурно-исторический мир. Первым космополитом в европейской культурной традиции был Сократ, в России — Александр Пушкин... Космополитизм — идеология общего дома и является, на мой взгляд, истинным решением проблемы конвергенции.

Суть космополитической идеологии проста: это взгляд на мир как на сообщество равноправных этносов, мир, в котором этносы, как и люди, не зависят в своем существовании, политических и культурных правах от милости какого бы то ни было другого народа или этносоциальной группы. Суть космополитизма не просто в том, что отечеством каждого человека является весь мир, так что собственный этнос оказывается для него лишь одной из семей в доме.

Космополитизм как идеология предполагает и здравый взгляд на территорию, занимаемую каждым этносом, равно как и на этносы, территорий компактного расселения не имеющие: это взгляд на землю не как на собственность этноса, а как на природный общий дом для сожительства разных народов.

Многовекковая практика — опыт пребывания разных людей на одной территории — всегда начиналась с вражды, насилия (вытеснения или порабощения слабого), потом переходила к семейно-бытовой и хозяйственной интеграции, за которой в маятниковом порядке следовали культурное сотрудничество и новая вражда. Патриотизм и интернационализм как идеологические программы вводит определенные рамки:

здесь слабый подчиняется сильному, малочисленный растворяется в многочисленном, имущий более древнюю или более развитую культуру снижает уровень цивилизованного соседиствующего большинства.

Космополитизм снимает проблему национального насилия. Он призывает этносы считать себя не собственниками, но неотъемлемой частью сложившейся на данной территории экологической системы.

22

При современной скудности населения, нарастающей в большинстве пригодных для обитания регионов, изоляционистские идеи, привязывающие территорию к этносу как собственности к собственнику («малую родину» к ее патриотам-пигмеям), оправданы лишь в одном отношении: они внушают надежду на выживание в содружестве с экологической системой, стремящейся к некоему гомеостазу воды, земли, флоры и фауны региона. Космополитизм как идеология признает, что этносы, занимая в этом гомеостазе свое необходимое место безусловно подчинены экосистеме как целому. Так семья подчинена родовому гнезду, где жили предки и будут жить потомки. Но космополитизм идет дальше этого признания и призывает народы, давшие территориям имена и названия, признать за потомками тех, кто очутился здесь много позже, неотъемлемые права — права части на целое, права сына на очаг отца. И наоборот: потомки тех, кого преступно изгнали с родины в тягчайшие годы истории СССР, должны иметь безусловное право добровольного возвращения домой. Пусть не в тот же дом, где теперь живет ни в чем не повинная другая семья, но в тот же город, в тот же край. Даже редкие, исчезающие виды животных и птиц после разведения в неволе возвращают в родные места!

(Именно такого возвращения — для плодотворного межэтнического сотрудничества с потомками новых поселенцев — добиваются крымские татары. Без их рук, без их любви к скрытым бульдозерами кладбищам, без общего чувства восторжествовавшей справедливости едва ли удастся остановить культурно-хозяйственную деградацию Крыма и превращение этого края в курортную полупустыню).

Конечно, должны пройти годы и годы, прежде чем в массовом сознании угнездится понимание того простого обстоятельства, что «глина не спорит с горшечником», что выживание человечества как целого возможно только на пути сохранения устойчивых региональ-

ных экологических систем, обязательно включающих в себя подсистему межэтнического сотрудничества, сотворчества, глубокого взаимопонимания.

В качестве основы для такого взаимопонимания предлагаются два пути. Один — путь централизованного государственного насилия «для пользы дела», «во имя общегосударственных интересов». Это — старый, и многократно доказывающий свою ненадежность имперский путь решения межэтнических проблем, осквященный лозунгами интернационализма: возникнув как антитеза идее имперской государственности, интернационализм сам стал лицемерной политической практикой. В настоящее время именно этим путем пытаются развязать, а на деле — еще туже затягивают Карабахский узел.

Существует ли другой путь? Путь внутренней конвергенции?

В чем, например, возможное космополитическое разрешение карабахского вопроса? Прежде всего в том, что найденное решение должно удовлетворять все без изъятия заинтересованные народы, в данном случае — не только азербайджанцев и армян, но и курдов, и русских и других жителей этого края, и таджикских армян, и тбилисских, и все те десятки миллионов людей, что живут в многонациональном окружении, испытывая острые приступы страха.

Получится ли решить проблему в ситуации, когда одну и ту же землю одни называют Карабахом, а часть других — Аршахом? Когда уже пролилась кровь? Да, может получиться. Необходимо только сначала сформулировать принципы выживания. Первый — и самый очевидный — это наличие региональной этнокультурной общности, связанной единой экосистемой, более су-

щественной для данного региона, чем даже языковые и даже религиозные различия. Общая территория и общее отечество возможны и при самой глубокой этноязыковой несхожести!

При навязывании большим и малым этносам одинаковой принадлежности державе, где «старший брат» раздает всем сестрам по серьгам, борьба за мнимую государственность требует пролития всамделишной крови. Но равная подчиненность региональной экосистеме Земли — во тот фундамент, на котором, по мере сокращения бюрократического централизма, возможно создание жизнеспособных федераций народов — «ми-

ров в Мире», как называет их М. Я. Гефтер, новых носителей суверенитета.

Самосознание космополитического общества, призванного сохранить свой край для общих потомков, — такое самосознание не допустит ни атомных станций в краю, где уже лет десять назад могла работать солнечная энергетика, ни сумгантских трущоб вдоль изуродованных пляжей Каспия.

Самосознание «хозяина державы» в конечном счете превращает человека в хама, рвача, алчного потребителя всего того, что по державе разбросано. Самосознание звена в цепи поколений превращает человека в мыслящую поросль самой природы: именно такое самосознание дает и самому малому народу силу выстоять против разбора «больших» соседей, не погибнуть в депортации и рассеянии, не забывать дорогу домой.

В космополитической экосистеме национальная гордость будет распространяться не только на свою древнюю культуру, административные границы и декоративное законодательство. Оно будет состоять для него и в том, что он живет в мире с соседом, отстаившим свою самобытность, свой язык, не-

смотря на самые страшные испытания, какие выпали на его историческую долю. И эта гордость — быть соседом своих соседей, понимая их язык как свой собственный, — должна быть сильнее патристических обид на тех «чужаков», кто в пылу спора поносит все «ненашенское», стараясь задеть чужие национальные и религиозные святыни, тоже заслуживающие не меньшего уважения.

Тот, в ком космополит победил патриота, уже никогда не станет зверем. Вот почему, как бы утопично ни выглядели перспективы перехода от патристизма и интернационализма к космополитической идеологии, космополитизм представляется единственной разумной альтернативой болезненному и катастрофическому распаду Ялтинской системы наций, сбитых в блоки. Желая остаться в рамках прежних границ, но в качестве федерации свободных народов, СССР стоит перед одним из самых трудных выборов — превращения из сверхдержавы в свободное сообщество, прототип будущего мирового.

Через знание, покаяние, созидательный межэтнический диалог — к миру без погромов, резни и отчаяния: этот путь конвергенции пока еще открыт.